

УДК 81'42:82-32...К.08
<https://doi.org/10.33989/2524-2490.2020.33.228243>
 ГАЛИНА КОЗУБ
 ORCID 0000-0003-3895-1621
 (Полтава) (Poltava)
Place of work: Ukrainian Medical Dental Academy
Country: Ukraine
Email: gkozub51@gmail.com

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В. Г. КОРОЛЕНКО (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ ПИСАТЕЛЯ)

У статті досліджується мовна картина світу В. Г. Короленка на матеріалі його творів. Автор показує національну своєрідність мовної картини, світобачення письменника, яке змінюється залежно від зображуваної дійсності. У дослідженні простежується зв'язок культури народу з мовою, установлюється світобачення письменника через її призму. Доводиться, що мовна картина світу, як і мова, і мислення, має національний зміст. У роботі представлений новий погляд на твори Короленка, поезику його оповідань і повістей. У статті робляться висновки про те, що мова – це складник культури народу, її знаряддя, а культура вербалізується в мові. Кожна мова – це код, він несе в собі інформацію, характерну тільки для конкретного народу.

Ключові слова: мовна картина світу; мовний код; світобачення; двомовність; національний зміст; іншомовні вкраплення.

Постановка проблеми. На рубежі ХХ–ХХІ століть в лінгвістиці виникло поняття мовної картини світу. Воно є надзвичайно актуальним в дослідженні специфіки мови письменників.

Оскільки мова є основним способом формування і існування знань людини про світ, то саме мова – найважливіший об'єкт дослідження лінгвістів. Сукупність цих знань, зафіксованих в мовній формі, є мовною картиною світу, або «мовною репрезентацією світу», або «мовною моделлю світу», або «мовною картиною світу».

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Поняття мовної картини світу виходить з праць німецького лінгвіста В. фон Гумбольдта (Гумбольдт, 1985). Він був одним з перших, хто звернув увагу на національний зміст мови і мислення. Ідеї Гумбольдта продовжив вчений Л. Вайстербер (Вайстербер, 1993). Його заслуга полягає в тому, що він ввів в наукову термінологічну систему поняття «мовна картина світу».

Сучасні уявлення про мовну картину світу виглядають наступним чином. мова – факт культури, складова частина культури, яку ми успадкували, і одночасно її інструмент. Культура народу вербалізується в мові. Е. С. Яковлева розуміє мовну картину світу як зафіксовану в мові і специфічну для світу дійсність – це свого роду світогляд через призму мови (Яковлева, 1994).

Реконструкція мовної картини світу є однією з найважливіших завдань сучасної лінгвістичкої семантики. В даний час В. В. Колесову належить думка про те, що мова є духовна сутність в трипостасному вираженні системи, функції і стилю. Виникають нові дисципліни на стику наук, такі як психолінгвістика, лінгвокультурологія і навіть нейролінгвістика (Колесов, 1999).

Не вирішені частини загальної проблеми. Відомо, що Короленко писав художественну прозу і публіцистику. Дослідники відзначають, що в його творчості ми знаходимо риси романтизму, реалізму і зароджуючого символізму (Вечерок,

2014). Но, оставив в стороне литературоведческие изыскания, мы будем рассматривать языковые особенности произведений писателя и их связь с культурой народа. Эта проблема на материале произведений Короленко ранее не исследовалась.

Цель исследования. Исходя из постулата, что языковая картина мира – это мировидение через призму языка, попытаемся определить специфику языковой картины мира В. Г. Короленко, взяв для исследования рассказ писателя «Сон Макара» и повесть «Без языка». В этом мы видим цель настоящей статьи.

Изложение основного материала исследования. Автор статьи неоднократно утверждал, что нельзя рассматривать те или иные языковые средства отдельно, вырывая их из контекста (Козуб, 2010, с. 45). Необходимо рассматривать их в комплексе. Это и воссоздает языковую картину мира в целом. Конечно, в рамках настоящего исследования мы не можем охватить все произведения В. Г. Короленко, поэтому ограничимся двумя.

Очерчивая проблему в целом, скажем, что Короленко видел мир глазами своих героев. Рассказ «Сон Макара» передает впечатления, почерпнутые в сибирской ссылке, и принадлежит к числу сибирских рассказов писателя. В языке рассказа много элементов из русского и якутского быта. В повести «Без языка» нашли отражение языковые факты из жизни украинских крестьян западных губерний, в частности Волыни, еврейского народа, жизни представителей Америки. Позже мы конкретно остановимся на этих особенностях.

Обратимся к рассказу «Сон Макара». Главным героем рассказа является Макар, судя по имени – русский крестьянин, которого судьба занесла в якутский край. Автор широко пользуется фольклорными приемами. Жанр рассказа сам писатель определяет как святочный рассказ. Он начинается с интерпретации известной русской поговорки «Куда Макара телят не гонял», которую Короленко подает в развернутой, произвольной форме: «Этот сон видел бедный Макар, который загнал своих телят в далёкие, угрюмые страны, – тот самый Макар, на которого, как известно, валятся все шишки». Известно, что фразеологизмы, как и пословицы, поговорки нельзя видоизменять, потому что они имеют целостную, постоянную структуру. Но Короленко, являясь экспериментатором, нарушает лингвистические каноны. Чтобы передать русский колорит, автор часто пользуется уменьшительно-ласкательной лексикой: *землица, юртёнки, лысанка (о коне), камелёк, полянка, веревочки, дорожка, пегашка, торбасишки*: «Макару казалось, что он увидел, как белая пыль летит из-под копыт его пегашки, но через секунду и эта точка исчезла».

Вписывается в русский колорит и старинное *Чу!* от древнерусского *чути*, слышать; слово *ужо* толковые словари Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова, Т. Ф. Ефремовой дают как устаревшее, просторечное или разговорно-сниженное: «Ладно, *ужо!*» Устаревшим является слово *руга* – выплата жалованья. Автор часто использует и диалектизмы, например *ушкан* – заяц, в большинстве толковых словарей дается как областное, сибирское; из этой же группы и слова *косач* – самец-тетерев, *тойон* – титул князя в старину у якутов, а проще – начальник. Интересно разговорное употребление слов *жары* во мн. ч., а также дважды встретившееся слово *однако*, не маркированное в словаре, но до настоящего времени употребляемое якутами почти в каждой фразе как финальная ее часть: «*Пропадать буду, однако!*» – *все думал Макар*».

Но наиболее употребительным нам представилось русско-якутское двуязычие. Известно, что в местности, где живут представители разных национальностей, это обычное явление. Это названия различных деталей и самой одежды якутов: *сона* – шуба, *торбаса* – сапоги из оленьих шкур, *меховой бергес* – шапка. Это также встречающиеся в речи героев слова из якутского языка для характеристики кого-либо (*агабыт* – отец, *комночиты* – работники, *суруксут* – писарь, *барахсан* – бедняга, *догор* – приятель) или отдельные выражения (*кабысь* – брось, оставь; *кансе* – говори: «– *Кансе (говори)! – сказал Макар приветливо*»; «*Слушай, агабыт (отец) – сказал он, – как ты думаешь?*»). Все слова и выражения Короленко снабжает переводом и дает в русской графике.

Не менее интересной в этом плане является и повесть В. Г. Короленко «Без языка». Начнем с того, что здесь Короленко обращается к лексике и фразеологии из украинского быта вперемешку с полонизмами. Короленко исследует язык жителей поселка Лозици Волынской губернии, перемежая его русскими пословицами и поговорками, фразеологизмами. Впервые в те времена автор поднимает еврейскую тему, употребляя слова и выражения, относящиеся к еврейскому быту, традициям. Описывая Америку, писатель широко пользуется вкраплениями из английского языка, причем американизмы или их отсутствие характеризуют персонажей как отрицательно, так и положительно.

Так, приятель Матвея Лозинского Дыма очень быстро приспосабливается к новой действительности. Именно в его речи мы и встречаем много английских слов и фраз: «– *Good day* (здравствуйте)! – первый сказал американец и хлопнул Дыму по колену. Дыма хлопнул его с своей стороны и, очень мало подумавши, ответил: – *Yes* (да). В речи Матвея Лозинского мы почти не встречаем американизмов, так как он первоначально противится новой, незнакомой жизни в Америке. Наоборот, автор передает впечатления Матвея: «...чужой язык, незнакомая речь хлещет в уши, непонятная и дикая, как волна...». Иногда английские слова и выражения встречаются в авторской речи, чаще для выражения иронии: *губерния Миннесота*, «...ясно, что женщина, да *mississ* тоже, пожалуй, означает бабу». Часто писатель переводит имена собственные на английский язык: Катерина – Катарина, Анна – Энн, Матвей – Метью, Берко – Борк.

С описанием украинского быта мы встречаемся в начале повести, где автор употребляет слова-описания одежды: «*Пахали землю, ходили в белых и серых свитах, с синими или красными поясами, штаны носили широкие, шапки бараньи*»; «...смутная память о каком-то лучшем держалась под соломенными *стрехами* лозищанских *хат*». Чтобы передать преобразование Дымы в Америке, Короленко снова обращается к описанию украинской одежды: «*На нем не было ни белой свитки, ни красного пояса, купленного перед самым отъездом в местечке, ни высоких смазных сапог, ни широких шаровар из коричневой коломянки*». Короленко снабжает своих героев украинскими фамилиями и прозвищами: Оглобля, Мазниця, Дышло: «...одного знали Мазницею, другого Колесом, третьего даже Голенищем...». Для описания истории Украины тех далеких времен, когда Украина находилась под властью Польши, автор изредка использует полонизмы: «...поляки в своих пестрых *кунтушах*»; «*К тому же у них тянулась долгая тяжба с соседним помещиком из-за чиншиа* – плата, вносимая владельцу земли за аренду».

В авторской речи часто можно встретить русские пословицы и поговорки, фразеологизмы, сравнения: *ум как огонь, а язык как молот; как мухи на мёд; рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше; упрям, как бык; Содом и Гоморра; не так страшен черт, как его малюют*: «...и в чужой монастырь, как говорится, не ходят со своим уставом». Причем и в этой повести Короленко часто вольно обращается с крылатыми выражениями, например: «– *Ну, черт еще не так страшен, как его малюют, – сказал он*».

В этом произведении мы встречаем множество уменьшительно-ласкательных слов, нарочитых неправильностей грамматических форм: *речушка, церковка, пароходишко, пароходик* чередуется с эмигрантским кораблем (пушкинская и гоголевская норма употребления), *ленточка, собачка; гордее*. В повествовании часто преобладает разговорная лексика: *смолчал, заскрёб; мистеры, ни жида, ни хлопа, ни барина*: «*В этой проклятой стране все мистеры, и уже не отличишь ни жида, ни хлопа, ни барина...*».

Мы обратили внимание на авторскую синонимию. Она глубоко продумана у Короленко. В ходе повествования главного героя Матвея Лозинского автор называет то по имени, то *лозищанин*, в устах иностранцев он – *мистер Метью*, а в конце он превращается в человека без языка. Случайно ли это? Думается, нет. Лозищанином и человеком без языка он становится в конце повествования, когда оказывается один на один с незнакомым городом. Первым именем Короленко хочет почеркнуть огромный разрыв между родиной Матвея и Америкой. Второй синоним, вынесенный в заглавие, многозначен. Здесь не столько незнание чужого языка, сколько непони-

мание, неприятие чужой культуры. Литературоведы утверждают, что это еще и символ. Короленко часто сталкивает значения слов, например, *голос* в двух значениях: «Голос дан человеку не для того, чтобы его продавать. – Э, глупости! – сказал Дыма. – Ведь не останешься ты без голоса. Даже не охрипнешь». И это тоже гоголевская традиция.

Вызывает интерес понимание слова *свобода*, отчасти символическое, как утверждают литературоведы, и рассуждения писателя о цивилизации. В начале повести автор говорит о неосознанном чувстве свободы у лозищан. Еще на берегу Дыма спросил у кабатчика, что такое свобода. «А! рвут друг другу горла, – вот и свобода...» Матвей не понимает стремления к свободе: «У них много таких обычаев, которые лучше не перенимать крещеному человеку». Свобода предстает перед лозищанами в виде огромной статуи с факелом в руках. В стремлении к свободе Матвея лежит утопическое, крестьянское представление об идеальной деревне: «Такие же люди, только добрее. Такие же мужики, в таких же свитках, только мужики похожи на старых лозищан, еще не забывших о своих старых правах...». В устах Нилова в конце повести появляется определение – *своя свобода*: «На родине мне хочется того, что есть здесь... Свободы, своей, понимаете? Не чужой... А здесь... Здесь мне хочется родины...». Задумывается Короленко и об американской цивилизации: «Человек изобретает нужную ему машину..., а машина ... изобретает... вернее сказать вырабатывает нужного ей человека...». Эти строки очень актуальны и в наше время.

Развивая еврейскую тему, Короленко не просто передает быт евреев в Лозищах и в Америке: «Вот и *шабаши* здесь не такой...»; «Вот засветилась огнями *синагога*, зажглись желтые свечи в окнах лачуг», он поднимает вопрос веры, вернее, ее выбора. И дело даже не в пейзажах, котелке и длинном сюртуке у евреев и свитках, шароварах, бараньих шапках у православных христиан. Писатель рассуждает об особенностях разных вер – иврит, христианство, униатство и, очевидно, лютеранство в Америке: «– Я христианин, и деды, и отцы были христиане – греко-униаты...»; «...лучше я буду помирать или выйду на улицу продавать спички, а не позволю дочери ломать святую субботу» (Борк), «Ну! они и молятся, и смеются, и говорят о своих делах, и опять молятся..., ...как верят в Америке». И Матвей, и Борк читают свои святыя писания, Борк шепчет слова молитв. Но оба думают о разрушении веры, о том, что их дети нарушают святыя каноны.

В. Г. Короленко не был человеком глубоко религиозным. Сам писатель излагает свои взгляды на религию и веру в письме к А. К. Маликову: «...Я признаю начало веры, но я не признаю и никогда не признаю догматизма. Если есть истина в вере, то для меня истина эта представляется огоньком, который <...> должен разгораться бесконечно, всё меняя формы» (Короленко, 1936). Строки о евреях, думается нам, отчасти биографичны. Короленко родился и вырос в Житомире, где еврейская община довольно сильна. Кроме того, в те времена по стране прокатилась волна еврейских погромов, и эти события нашли отражение в повести.

Выводы. Итак, перед читателем предстает развернутая языковая картина мира. В каждом произведении Короленко она своя. В рассказе «Сон Макара» это сибирский край с его обширными просторами, лютой зимой, своими традициями и законами. Через призму языка мы видим, ощущаем эту картину. Она предстает перед нами в русско-якутском двуязычии, описании быта, нравов, характеров героев, в пейзажных зарисовках, где Короленко выступает настоящим мастером. В повести «Без языка» своя картина. Она имеет сравнительный план. С одной стороны – родина с ее устоявшимся бытом, религией, традициями, которых не понимают американцы. С другой стороны – Америка с ее свободой, цивилизацией, верой, нравами, отличными от наших. Эти две картины предстают перед нами в диалогах, описаниях, рассуждениях главных героев, в украинско-русском двуязычии, в иноязычных вкраплениях в русскую речь.

Теоретическое значение исследования. Как видим, языковая картина мира у писателя Короленко имеет национальное содержание. Мы поддерживаем тезис о том, что язык – это составная часть культуры народа, ее орудие, а культура вербали-

зуется в языке. Каждый язык – это код, он несет в себе информацию культурно-специфическую, характерную только для конкретного народа.

Практическое значение работы заключается в новом взгляде на произведения Короленко, поэтику его рассказов и повестей, а также в возможности использовать его произведения при изучении истории русского и украинского литературных языков, творчества Короленко, его биографии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Вайсгербер Й. Язык и философия. *Вопросы языкознания*. 1993. № 2. С. 12–17.
Вечерок О. Н. Жанрово-стилевое своеобразие художественной прозы В. Г. Короленко. Полтава : ПолтНТУ, 2014. 142 с.
Гумбольд В. фон. Язык и философия культуры. Москва : Прогресс, 1985. 452 с.
Козуб Г. Н., Тюнин А. П. Поэтический язык – хранитель духовных ценностей. *Русский язык в диалоге культур* : материалы междунар. конф. Воронеж, 2010. С. 44–49.
Козуб Г. Н., Тукова Т. В. Бикультуральность и ее отражение в языковой картине мира Н. В. Гоголя (лексико-грамматический аспект). *Філологічні науки*. 2018. Вип. 29. С. 97–100.
Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова». Санкт-Петербург : Златоуст, 1999. 368 с.
Короленко В. Г. Избранные письма : в 3 т. Москва : ГИХЛ, 1936. Т. 3. 284 с.
Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира. *Вопросы языкознания*. 1994. № 5. С. 73–89.

KOZUB HALYNA

THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD BY V.G. KOROLENKO (BASED ON THE WRITER'S STORIES)

The research deals with the concept of «world view». The subject matter of this paper is the Russian language picture of the world presented in the V. G. Korolenko's stories, or more specifically, the study investigates basic peculiarities of the language picture of the world in two stories by V. G. Korolenko, the «Makar's Dream» and «Without a Language». The article studies the linguistic worldview of the V. G. Korolenko in the context of the evident changing the realities, which are described in his stories. The author shows how the writer's worldview changed influenced by the political, historic and cultural events of those days.

He shows the Siberian land with its vast expanses, fierce winter, its own unique traditions and laws in the short story «Makar's Dream». We can clearly see and feel this picture of the world thought the language prism, particularly in its bilingualism, in the lifestyle description, customs, characters of the heroes, etc.

Another story «Without a Language» offers us an invaluable opportunity to compare Russian and American language picture of the world. The first one was shown by V. G. Korolenko as the homeland with its well-established, traditional way of life and old religion. And at the same time, the author has depicted America with its specific features, which differs from the Russian language picture of the world. According to his point of view, an American language picture of the world has a range of characteristic that differentiates it from the Russian. It has freedom, civilization, faith, and morals. V. G. Korolenko has skillfully used dialogues, descriptions, analyzes of the main characters, the Ukrainian-Russian bilingualism, foreign language inclusions in Russian speech, etc. In addition to this, some typical structures for both languages were found out which show national identity.

It has been appealed to special linguistic methods and techniques, including the comparative historical method for comparing the facts of the modern language and the language of V. G. Korolenko, as well as the comparative method for comparing the Russian, Ukrainian, Yakut and English languages.

The paper concludes that language is an integral part of the culture of the people, its basic tool of communication and socialization. It must be noted, that the culture is verbalized in the language. Each language is a unique code, which contains culturally marked information.

This study proves the idea of the unbreakable link between language and culture. This is, in our opinion, the main value of the given research.

Key words: language picture of light; language code; worldview; duality; national content; foreign language blotches.

REFERENCES

- Gumbold, V. Fon. (1985). *Jazyk i filozofia kultury [Language and philosophy of culture]*. Moskva: Progress, 1985 [in Russian].
Jakovleva, E. S. (1994). *Fragmenty russkoi iazykovoi kartiny mira [Fragments of the Russian language picture of the world]*. *Voprosy iazykoznaniiia [Linguistic issues]*, 5, 73-89 [in Russian].

- Kozub, G. N., Tiunin, A. P. (2010). Pojeticheskii iazyk – khranitel duhovnykh tcennostei [Poetic language is the keeper of spiritual values]. *Russkii iazyk v dialoge kultur [Russian language in the dialogue of cultures]: materialy mezhdunarodnoj konferencii* (pp. 44-49). Voronezh [in Russian].
- Kozub, G. N., Tukova, T. V. (2018). Bikulturalnost i ee otrazhenie v iazykovoi kartine mira N. V. Gogolia (leksiko-grammaticheskii aspekt) [Biculturalism and the reflection in the linguistic picture of the world N. V. Gogol (lexical and grammatical aspect)]. *Filologichni nauki [The Philological Sciences]*, 29, 97-100 [in Russian].
- Kolesov, V. V. (1999). *Zhizn proiskhodit ot slova [Life comes from the word]*. Sankt-Peterburg: Zlatoust [in Russian].
- Korolenko, V. G. (1936). *Izbrannye pisma [Selected letters]* (Vol. 3). Moskva: GIHL [in Russian].
- Vaisgerber, I. (1993). Iazyk i filosofiiia [Language and philosophy]. *Voprosy iazykoznaniiia [Linguistic issues]*, 2, 12-17 [in Russian].
- Vecherok, O. N. (2014). *Zhanrovo-stilevoe svoeobrazie hudozhestvennoi prozy V. G. Korolenko [Genre and style originality of fiction V. G. Korolenko]*. Poltava: PoltNTU [in Russian].

Отримано 6.12.2020 р.